

Капустин Владимир Арсеньевич

**Леоново - подмосковное поместье боярина
князя Ивана Никитича Хованского**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Арсеньевич К.**
Леоново - подмосковное поместье боярина князя Ивана Никитича Хованского / Капустин Владимир Арсеньевич – М.:
Книга по Требованию, 2024. – 63 с.

ISBN 978-5-519-88129-6

ISBN 978-5-519-88129-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Леоново.

Село Леоново находится за Крестовской заставой, въ одной верстѣ въ сторону, отъ сельца Ростокина, расположеннаго по Троицкой дорогѣ.

Въ XVI и XVII столѣтіи Леоново числилось въ Московскомъ уѣздѣ, въ Монастынномъ Быковѣ-Коровинѣ стану, а Леоновская церковь — въ Радонежской десятинѣ.

Какъ само Леоново, когда-то помѣстье князя Ивана Никитича Хованскаго, такъ и всѣ соприкасающіяся съ нимъ селенія: Свиблово, памятникъ знаменитому роду Свибловыхъ; Медвѣдково, старинная родовая вотчина князя Пожарскаго, спасителя Россіи; Ростокино, когда-то входившее въ составъ многочисленныхъ вотчинъ Троице-Сергіева монастыря, и Покровское, Ерденево тожъ, въ древности самостоятельное село, впоследствии поглощенное Останкинымъ, — всѣ они расположены на прихотливыхъ извивахъ знаменитой рѣки Яузы, при каждомъ поворотѣ своемъ, между гористымъ берегомъ и луговой долиной, являющей красивыя и живописныя виды.

Пустошь Леонова впервые упоминается въ писцовыхъ книгахъ въ 1573 — 4 и 1586—8 гг.

Въ концѣ шестнадцатаго столѣтія (1571) набѣжалъ на Москву крымскій ханъ Девлетъ Гирей, сжегъ столичный городъ и его окрестности, побилъ и полонилъ до двухсотъ тысячъ жителей и, быстро отступивъ, оставилъ послѣ себя печальную картину запустѣнія ¹⁾.

Всѣ подмосковныя села и деревни были выжжены, большинство крестьянъ разбѣжалось по городамъ и по лѣсамъ, служилые лю-

ди побросали свои опустѣвшія помѣстья, и вмѣсто культурныхъ пахотныхъ участковъ, образовались повсюду пустоши, заросавшія молодымъ лѣсомъ.

Нѣкоторое представленіе подмосковнаго запустѣнія даетъ намъ древнѣйшая, писцовая книга-Молчанова, являющаяся памятникомъ хозяйственныхъ описаній имѣній временъ Іоанна Грознаго (1573—4).

„Въ Монастынномъ стану Ѳедоровское помѣстье Ѳедоровича Карпова, что осталось порожнее за раздачею у дѣтей боярскихъ... пустошь Окишево... пустошь Реново (не Ерденево ли?)... пустошь Лѣново (очевидно, Леоново), что была деревня, пашни 20 четъ въ полѣ, а въ дву потому жъ (т.-е. 30 десятинъ), сѣна 25 копенъ (около 2 $\frac{1}{2}$ д.), лѣсу пашеннаго 4 дес... пустошь Бакшеево.. ²⁾).

Начавшееся около этого времени колонизаціонное бѣгство крестьянъ изъ центра государства на его южныя окраины, было настоящимъ бѣдствіемъ для подмосковной мѣстности, которая не можетъ оправиться отъ татарскаго нашествія и до 1586—8 гг., когда въ новой писцовой книгѣ Хлопова представлено то же запустѣніе, тѣ же незаселившіяся пустоши Карпова.

„Окишево, Реново, Болшево, Леоново, что была деревня... и иные (пустоши), а имяны ихъ снискать некимъ .., въ которыхъ пашня поросла въ колъ и жердь“ ³⁾.

Экономическія потрясенія конца шестнадцатаго столѣтія, завершившіяся закрѣпощеніемъ крестьянъ — въ интересахъ служилаго класса (1593), истощили Московское государство и подготовили политическую смуту начала семнадцатаго столѣтія, выразившуюся въ

Московскомъ разореніи, когда управлявшаяся было подмосковная мѣстность вновь опустошается поляками и казаками. ⁴⁾.

„Воры-казаки собрався многими людьми приплыли подъ Москву въ село Ростокино (л. 1612) ⁵⁾... А жители изъ разныхъ городѣхъ били челомъ, что казаки ихъ помѣстья и вотчины разорили... И велѣно было промышлять надъ казаками ратнымъ обычаемъ...

Казаки убѣждали, а ихъ приволокли къ Москвѣ 3256 человекъ“.

Лишь по окончательномъ уходѣ королевича Владислава изъ-подъ Москвы (1618), подмосковная мѣстность начинаетъ управляться.

Служилые люди получаютъ вновь изъ приказа Большого Дворца крупные земельные участки, заросшую пашню которыхъ они энергично расчищаютъ съ помощью крестьянъ, уже вытерпѣвшихъ невзгоды смутнаго времени, а потому равнодушнѣе относившихся къ своему новому крѣпостному положенію.

Въ 7131/2 году (1623—4) при новой описи земель, предпринятой правительствомъ для выясненія экономическаго состоянія потрясенной смутой страны, писецъ Лаврентій Александровичъ Кологривовъ мѣрилъ пашню и обходилъ границы громадной подмосковной вотчины стольника Льва Плещеева — села Свиблова, и при этомъ онъ два раза подходилъ къ дворцовой пустоши Леоновой, ожидавшей и себя, послѣ полуѣбового сиротства и запустѣнія, лучшей участи ⁶⁾.

Пустошь Леонова пожалована въ 1626 году князю Ивану Никитичу Хованскому „въ помѣстье“.

Въ началѣ семнадцатаго столѣтія на Руси еще дѣйствовала помѣстная система, какъ необходимое средство для поддержанія войска, собиравшагося временно, при приближеніи неприятеля.

Она состояла въ томъ, что каждый служилый человекъ получалъ отъ государства известное количество земли „въ помѣстье“, т.-е. въ пожизненное владѣніе, безъ права продажи и заклада, а взаменъ этого обязанъ былъ,

по первому зову, явиться въ походъ съ конемъ и доспѣхами.

Люди родовитые, близкіе ко двору, за службу, получали крупные участки, какъ „въ помѣстье“, такъ и „въ вотчину“, послѣдній видъ владѣнія означалъ полное, почти неограниченное распоряженіе землей.

Крупные помѣщики и вотчинники обязаны были, кромѣ личнаго участія въ походахъ, выставять вооруженныхъ за ихъ счетъ людей, соотвѣтственно имущественному положенію каждаго ⁷⁾.

Князь Иванъ Ивановичъ Хованскій (сынъ перваго владѣльца Леонова), у котораго въ вотчинкахъ и помѣстьицахъ числилось 406 дворовъ, обязался быть „въ походѣ (1663) съ 3 лошадьми; самъ на 4-ой, людей пѣшихъ 11 человекъ, конныхъ, на службѣ государя, 6 человекъ“ ⁸⁾.

Стольникъ Михаилъ Львовичъ Плещеевъ, (одинъ изъ владѣльцевъ Свиблова), состояніе котораго опредѣлялось въ 764 двора крѣпостныхъ крестьянъ, обязался явиться „въ походѣ (1681) на аргамакъ, въ бронѣ и въ саадакъ, съ пятью лошадьми простыми и выставить 25 человекъ съ боемъ“ ⁹⁾.

Послѣ смутнаго времени запасъ казенныхъ, такъ-называемыхъ дворцовыхъ земель, предназначившихся на содержаніе двора государя, необыкновенно возросъ; правительство широко раздавало эти запустѣвшія и не приносящія дохода дворцовыя земли—въ помѣстье и въ вотчину, вплоть до 1627 года, когда послѣдовалъ указъ о прекращеніи таковой раздачи ¹⁰⁾.

Около этого времени, а можетъ-быть и въ предвидѣніи запретительнаго указа, близкому ко двору царя Михаила, стольнику кн. Ивану Никитичу Хованскому, дано въ помѣстье двѣ дворцовыя пустоши на обоихъ берегахъ Яузы.

Подъячій Михаилъ Толпыгинъ, посланный изъ приказа Большого Дворца, осматривалъ и записалъ 3 декабря 135 (а. 1626): „въ двухъ пустошахъ—Леоновой да Коровей—пашни перелогомъ (запущенной) и лѣсомъ поросло середніе и худые земли 60 четвертей въ полѣ, а въ дву потому жъ (90 дес.), сѣна 45 копень (4 1/2 дес.), лѣсу, болота 2 десятины“ ¹¹⁾.

17 декабря (а) 1626 года дана была и ввозная грамота царя Михаила на новое помѣстье кн. Хованскаго, третьяго, извѣстнаго намъ, владѣльца Леонова, если считать вторымъ—Оедора Оедоровича Карпова, повидимому дьяка или одного изъ приказныхъ дѣльцовъ¹²⁾, а первымъ—какого-нибудь Левона, перваго за сѣлителя мѣста, отъ котораго и произошло названіе.

Помѣстье Леоново находилось въ самой ближайшей мѣстности къ столицѣ, между вотчинами первыхъ вельможъ государства: почти соприкасалось съ нимъ село Копытово (Алексѣевское) боярина кн. Дмитрія Тимофеевича Трубецкаго, село Осташково (Останкино) боярина кн. Ивана Борисовича Черкаскаго и село Медвѣдево (Медвѣдково) боярина кн. Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Изъ этого можно заключить о близости новаго Леоновскаго помѣщика къ царю; хотя при пожалованіи могло выразиться и влияніе кн. Пожарскаго, желавшаго имѣть своимъ сосѣдомъ, своего родного племянника—кн. —Хованскаго.

Служебное положеніе князя Ивана Никитича Хованскаго.

1625—1658.

Знатное происхожденіе кн. Хованскаго отъ литовскаго великаго князя Гедимина, считавшагося потомкомъ Владимира святого; цѣлый рядъ близкихъ родственниковъ по отцу его Никитѣ Андреевичѣ, достигшихъ боярскаго сана; близкое родство съ знаменитымъ кн. Пожарскимъ, родная сестра котораго, Дарья Михайловна, была его матерью; наконецъ, женитьба на княжнѣ Марьѣ, дочери боярина Михаила Михайловича Салтыкова, двоюроднаго брата царя Михаила,—все это, при наличности извѣстныхъ способностей, давало возможность кн. Хованскому занимать при дворѣ и въ походахъ почетное и важное положеніе, сначала въ чинѣ стольника и воеводы, а затѣмъ боярина, — какъ бы въ награду за успѣшное исполненіе порученій царя въ борьбѣ съ внѣшними и внутренними врагами, за то, что „отъ государя въ посылкахъ былъ, поль-

скихъ и литовскихъ людей и черкесть и воровъ казаковъ побиваль и языки поималь“¹³⁾.

Начиная съ (д.) 1625 года, въ теченіи двадцати лѣтъ, мы встрѣчаемъ его во дворцѣ, съ честью исполняющаго свои церемониейстерскія обязанности: на торжественныхъ обѣдахъ онъ смотритъ за порядкомъ въ „большой столъ“, (то-есть столъ, гдѣ сидѣлъ самъ царь), вызывая зависть въ другихъ стольникахъ, поставленныхъ около „кривого стола“.

Кромѣ того, онъ получаетъ важныя назначенія главнаго воеводы въ Большой полкъ, на тогдашніе украинные города, въ ожиданіи прихода крымскихъ и ногайскихъ людей. (Въ Тулу а. 1628, 1635, д. 1637, Боровскъ а. 1634, Одоевъ д. 1640).

При одной такой посылкѣ (10 марта д. 1637) другой воевода, кн. Вас. Григ. Ромодановскій, назначенный вторымъ, считаясь заслугами своего рода не захотѣлъ подчиняться кн. Ивану. Но государь сказалъ, что „быть ему мочно, иначе идти въ тюрьму“.

Эта мѣстническая попытка обезчестить Хованскихъ не прошла незамѣченной.

Кн. Дм. Мих. Пожарскій, замѣтивъ на одномъ обѣдѣ въ присутствіи государя, (28 іюля д. 1637), что кн. Григ. Андр. Хованскій¹⁴⁾ смотритъ въ большой столъ, а сынъ его, кн. Петръ Дм. Пожарскій, въ кривой, всталъ съ мѣста и мягко жаловался, что онъ боится какъ бы его сыну „порухи“ не было въ томъ, что онъ ниже Хованскаго, вѣдь еще недавно Ромодановскій не хотѣлъ быть ниже кн. Ивана. Царь Михаилъ, вмѣсто всякаго отвѣта, велѣлъ почтенному челоуѣку сѣсть на мѣсто.

По этой же причинѣ (5 мая д. 1638) Бутурлинъ, когда узналъ, что кн. Ивану приказано стоять за большимъ столомъ, а ему за кривымъ, не захотѣлъ быть ниже его, убѣжалъ и прятался.

Перемѣна новаго царствованія почти всегда сопровождалась разгромомъ старыхъ придворныхъ лицъ. Такъ было и при воцареніи шестнадцатилѣтняго царя Алексѣя (12 іюля д. 1645).

Въ іюль (д) кн. Иванъ былъ посланъ въ числѣ другихъ стольниковъ приводить ко кресту, на вѣрность новому царю, жителей Вязьмы. А уже 19 августа, на другой день кончины царицы

Евдокія Лукьяновны, можетъ-быть за одно неосторожное слово вблизи молодого царя, переживавшаго вторую потерю въ теченіи одного мѣсяца, онъ неожиданно подвергся опалѣ, былъ разжалованъ изъ стольниковъ въ московскіе дворяне и сосланъ въ Сибирь ¹³⁾.

Лишь 1 апрѣля (д) 1649 года, въ день именинъ молодой царицы Маріи Ильиничны, онъ появляется вновь въ Золотой палатѣ дворца, когда царь Алексѣй спѣшитъ загладить нанесенную ему обиду, жалуя изъ дворянъ прямо въ бояре.

Съ этихъ поръ бояринъ кн. Иванъ Никитичъ Хованскій уже не смотритъ только за порядкомъ на дворцовыхъ обѣдахъ, какъ бывало ранѣе до опалы, не наряжаетъ винъ, не сидитъ на погребѣ, а самъ, всегда вблизи царя, занимаетъ почетное мѣсто. Сопровождаетъ его, когда онъ идетъ „по своему царскому обѣщанію молиться къ Троицѣ, къ Саввѣ или на праздникъ въ Новодѣвичій монастырь“. Въдаетъ Москву въ отсутствіи царя (д).

Когда по новгородскимъ вѣстямъ дошло до Москвы, что Новгородцы „заворовали“ (д. 1650), царь указалъ боярину кн. Ивану Никитичу идти туда усмирять бунтовщиковъ, поднявшихъ гиль противъ царскихъ воеводъ; тамъ онъ выказалъ замѣчательную сдержанность и тактичность, способствуя мирному успокоенію края.

Самъ Никонъ, тогда еще митрополитъ новгородскій, въ отвѣтъ на недовольство придворныхъ, желавшихъ быстрыми и рѣшительными мѣрами искоренить крамолу, въ своемъ письмѣ къ царю, такъ охарактеризовалъ дѣйствія кн. Хованскаго: „прислана твоя государева грамота..., а въ ней написано, что бояринъ твой дѣломъ промышляетъ мѣшкотно...; но скорѣе было такого великаго дѣла сыскать нельзя; а здѣсь государь приходитъ дѣло въ совершенье работою боярина: работалъ онъ тебѣ тихимъ обычаемъ, не вдругъ, чтобы не ожесточить, а что промедлилъ, въ томъ поруки нѣтъ“ ¹⁴⁾.

Когда Псковичи повинились (авг. 1650), государь посылалъ къ боярину съ своимъ милостивымъ словомъ. По возвращеніи же въ Москву (д. 1 окт.) его жаловали шубой бар-

хатной золотной, кубкомъ, да придачей къ окладу жалованья.

Въ 1652 году на долю боярина выпалъ трудный подвигъ—совершить путешествіе въ Соловецкій монастырь, во время котораго онъ чуть было не погибъ: 20 Марта указано идти за мощами Филиппа митрополита ему и Никону, митрополиту новгородскому, во главѣ многочисленной свиты изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ.

Первая попытка переѣхать Бѣлое море окончилась неудачно. Поднявшейся бурей часть лодокъ разбило, при чемъ погибло 69 чело-вѣкъ, часть выбросило на берегъ.

„А меня холопа твоего Ивашку ладью выкинуло на устьѣ Николы чудотворца корельскаго монастыря, а ладью разбило“... писалъ онъ царю.

Трудность путешествія увеличивалась суровостью Никона, требовавшаго отъ свиты строгаго соблюденія поста и ежедневнаго присутствованія при чтеніи келейнаго правила.

Даже самъ царь въ секретномъ письмѣ къ Никону просилъ объ снисхожденіи:

„Князь Иванъ Хованскій пишетъ въ своихъ грамоткахъ, будто онъ пропалъ..., будто ты заставляешь его ежедневно у правила быть;... молю тебя Владыко святой пожалуй, не заставляй... Да Василій Отяевъ пишетъ, что лучше бы ему въ Сибири пропасть, нежели съ новгородскимъ митрополитомъ быть,—силою заставляешь говѣть, но никого не заставить силою Богу вѣровать“.

Молодой царь Алексѣй (21 года) съ видимымъ сочувствіемъ повторяетъ слова Василя Отяева о свободѣ совѣсти, но въ официальномъ письмѣ Никону поддерживаетъ его: „...и тебѣ бы богомольцу нашему всѣхъ заставлять говѣть..., а тебѣ бы боярину нашему ихъ (всю свиту) отъ всякаго дурну удерживать“ ¹⁵⁾.

Мощи несли отъ Ярославля по Троицкой дорогѣ. Въ Ростокѣ ихъ не могли внести въ церковь, вслѣдствіе узкости церковныхъ дверей, пришлось оставить ихъ на ночь въ шатрѣ. На другой день (9 іюля д) царь встрѣчалъ ихъ съ крестнымъ ходомъ на полѣ, за мѣщанской слободкой, у дворцоваго села Напруднаго. (Въ

память этой встрѣчи поставлена была тамъ каменная часовня (1680), называемая Крестовской: на 1-ой Мѣщанской, первая налѣво отъ Сухаревой башни (17).

Кн. Хованскій, измученный дорогой, повидимому свернулъ изъ Ростокіна въ свое помѣстье Леоново и не присутствовалъ на торжествахъ. Лишь 28 іюля (д), на праздникъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, государь благодарилъ его за службу и пожаловалъ кубокъ, золотной атласъ и 40 соболей.

Черезъ годъ (16 іюля д. 1653) въ Успенскомъ соборѣ „праздновали Филиппу митрополиту“, а затѣмъ у патріарха Никона былъ столъ. Государь велѣлъ быть за столомъ и кн. Хованскому, желая оживить бесѣду воспоминаніями о прошлогднемъ путешествіи двухъ главныхъ участниковъ.

Вовремяпольской войны кн. Иванъ принималъ дѣятельное участіе. Когда по взятіи Смоленска государь пошелъ далѣе на недруга своего Яна Казимира (24 мая д. 1655), онъ оставилъ въ Смоленскѣ боярина и воеводу кн. Ив. Ник. Хованскаго.

О пребываніи его въ этомъ городѣ мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія по его столкновению съ Михаиломъ Львовичемъ Плещеевымъ (владѣльцемъ Свиблова, сосѣдомъ по Леонову), при отпускѣ хлѣбныхъ запасовъ, вслѣдъ за войскомъ, направившемся въ Польшу.

Плещеевъ, оправдываясь въ своей неакуратности по доставкѣ провіанта, обвинялъ кн. Хованскаго, что онъ ему не давалъ плотовъ. По разслѣдованіи оказалось, что въ Смоленскѣ плотовъ совсѣмъ не было и давать было нечего. Кромѣ того кн. Хованскій велѣлъ Плещееву перемѣнить дѣтей боярскихъ, а тотъ изъ упрямства этого не сдѣлалъ. За эти вины Плещеевъ былъ разжалованъ въ дворяне.

Что же касается до встрѣчнаго обвиненія Плещеева со стороны кн. Хованскаго въ томъ, что тотъ велѣлъ разнымъ лицамъ прикладывать руки къ порожнимъ столпцамъ, (то-есть подписывать пустые бланки для какихъ-либо неблаговидныхъ цѣлей), а также, что тотъ безчестилъ кн. Хованскаго въ письмахъ, все это осталось недоказаннымъ, и Плещееву велѣ-

но доправить свое безчестіе на кн. Хованскомъ (29 декабря 1655 г.) ¹⁸).

Судя по справкѣ всѣхъ имѣній, помѣстій—въ помѣстье, а вотчинъ—въ вотчину, за княгиней Маріей Михайловной Хованской въ (а) 1658 году, можно думать, что это былъ годъ смерти кн. Ивана Никитича.

Въ Суздальскомъ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ въ описи 1660 года значилась „палатка (склепъ) отъ родителей кн. Ивана Никитича Хованскаго и Ивана Дмитріевича Пожарскаго“.

Въ этомъ склепѣ открыта могила кн. Дмитрія Михайловича Пожарскаго, кромѣ того по оставшимся камнямъ видно, что тамъ были похоронены: отецъ князя Ивана—Никита Андреевичъ Хованскій, ум. 26 мая 1608; его дядя бояринъ Иванъ Андреевичъ Хованскій, ум. 26 мая 1622; двоюродный братъ окольничій Иванъ Дмитріевичъ Пожарскій, ум. 15 февр. 1668; но нѣтъ прямыхъ указаній объ мѣстѣ погребенія самого Ивана Никитича ¹⁹).

Земельное состояніе кн. Ивана Никитича Хованскаго.

1608—1658.

Отъ отца своего Никиты Андреевича (1608) кн. Иванъ получилъ только одну небольшую вотчину, съ деревней Безденежье, на рѣкѣ Муромкѣ, въ стану Хованскомъ, по Волоку Ламскому, въ 150 четей (225 дес.), и то въ общемъ владѣніи съ дядей Андреемъ Андреевичемъ Хованскимъ ²⁰).

Къ концу же его жизни (1658) у него сосредоточилось значительное земельное богатство, составившееся изъ государственныхъ помѣстій, и изъ выслуженныхъ и купленныхъ вотчинъ, перешедшихъ отъ знаменитыхъ его родственниковъ.

Увеличеніе помѣстнаго оклада бывало лишь послѣ усиленныхъ просьбъ служилаго чело-вѣка.

Въ 1634 году кн. Иванъ билъ челомъ царю Михаилу, называя себя холопомъ Ивашкой и горько жалуясь, что онъ „былъ верстанъ въ робяцкихъ лѣтахъ, всѣмъ сверстникамъ прибавлено жалованье и окладъ, а онъ бродилъ на службу въ старомъ робяцкомъ окладѣ. Ми-

лосердый государь, прибавь жалованье и окладъ, какъ тебѣ, государь, Богъ по сердцу положить. Царь государь, смилуйся“,—униженно доканчивалъ онъ свое челобитье¹³).

Въ шести помѣстьяхъ, считая въ томъ числѣ и Леоновское помѣстье, данныхъ ему послѣ подобныхъ челобитій, насчитывалось 1582 чети (2373 дес.). Доходы съ нихъ шли на покрытие военныхъ расходовъ князя и его людей. За личную же службу онъ получалъ особое денежное жалованье, достигшее, послѣ всѣхъ прибавокъ, 500 рублей (около 8500 руб.²¹).

Но какъ мы увидимъ, всѣ эти помѣстные земли, считавшіяся государственными, перешли впоследствии, подъ влияніемъ измѣнившегося духа времени, въ родовую собственность потомковъ кн. Хованскаго, при полномъ забвеніи первоначальныхъ условій дачи.

Недаромъ на земскомъ соборѣ (1642), торговые люди, считавшіеся только данниками государства, въ противоположность къ земледѣльцамъ, служилымъ людямъ, на поставленный имъ прямой вопросъ, — воевать или нѣтъ съ турками, — дали уклончивый отвѣтъ, въ которомъ чувствовалась, на ряду съ затаенной завистью къ первенствующему сословію, и нѣкоторая доля прозорливости; они говорили: „за нами нѣтъ ни вотчинъ, ни помѣстій, а службу мы несемъ безпрерывно... Черныхъ сотенъ и слободъ сторожевую несемъ службу...“²²).

По заключеніи перемирія съ Польшей и по прибытіи изъ плѣна отца государя, патриарха Филарета Никитича (1619), всѣмъ участникамъ по замиреніи страны были розданы богатыя награды.

Въ числѣ первыхъ былъ, конечно, кн. Д. М. Пожарскій, который получилъ новыя вотчины, и многія прежнія его помѣстья обращены въ вотчины.

Онъ успѣшилъ подѣлиться новыми землями съ своей сестрой, княг. Дарьей, и племянникомъ кн. Иваномъ, которые собирали вѣроятно скудные доходы съ своей единственной деревни Безденежье, можетъ быть вполне оправдывавшей свое печальное названіе.

Во первыхъ, онъ отдѣлилъ имъ три пустоши—Казѣево, Ѳедоркино и половину Подберезья, окружавшія его подмосковное село

Медвѣдево, на р. Яузѣ, съ 25 четями (37½ д.), и одновременно далъ болѣе крупную вотчину въ Ростовскомъ уѣздѣ съ 181 четями (271 д.), указывая въ данной (1620), подписанной имъ и послухами, что эти земли даетъ сестрѣ и племяннику по приказу своего отца, Михаила Ѳедоровича Пожарскаго, за приданое и за вотчину.

Очевидно смутное время было тому причиною, что знаменитый братъ могъ справиться приданое сестрѣ лишь черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ смерти зятя (1608).

Не ограничившись этимъ, какъ бы предчувствуя скорое прекращеніе своего рода и раздѣлъ выморочнаго имуществъ между посторонними людьми, кн. Пожарскій отдѣлилъ сестрѣ и племяннику, изъ своей богатѣйшей вотчинной дачи въ Суздальскомъ уѣздѣ, еще три вотчины (442 чети = 663 дес.), составившія впоследствии главную основу богатства кн. Хованскихъ.

За женой своей, урожденной Салтыковой, кн. Иванъ Хованскій получилъ три вотчины (800 четей = 1200 дес.); изъ коихъ одна (144 чети) — была отмежована „дѣвкѣ Марѣ“ во время опалы Салтыковыхъ по приказу государя (а. 1632); другая — (492 чети) была куплена кн. Мих. Мих. Салтыковымъ и справлена за кн. Иваномъ, когда онъ „на его дочери женился“ (а. 1645—6); а третья — (164 чети) досталась по духовной отъ дяди его жены, Бориса Мих. Салтыкова (а. 1647).

Повидимому кн. Иванъ обладалъ даромъ вызывать къ себѣ симпатію и любовь въ своихъ родственникахъ, которые обогащали его своимъ имуществомъ.

Вдова боярина Ивана Ѳедоровича Хованскаго (умершаго въ 1625), Марья Афанасьевна, въ иноцѣхъ старица Марѣа, нестаралась свою богатую приданую вотчину (800 чет. = 1200 д.) „въ монастырь по душѣ до выкупа дать“, а уступая влеченію сердца „при жизни поступилась ею полюбовно премяннику своему кн. Ивану (1650)“.

Къ концу жизни кн. Иванъ владѣлъ 1582 четями (т.-е. 40%) помѣстной земли и 2323 четями (то есть 60%) вотчинной земли, а всего 3905 четей или 5857½ десятинъ.

Фотог. П. Павлова.

Ризположенская церковь въ Леоновѣ.

Закрѣта въ 1800 г. и оставалась «безъ пѣнія» до 1859 г., крыша вся обросла березами.
(Снимокъ А. А. Капустина съ старинной гравюры, разысканной Н. А. Найденовымъ).

